

О РАЕ НА ЗЕМЛЕ: интервью с профессором З.А. Тажуризиной*

– Зульфия Абдулхаковна, собирателям истории мишар и в академических кругах о Вас известно следующее: Вы родились в селе Сафаджай в роду Хабибуллиных. Согласно шэжэрэ (Родословному древу) от человека по имени Тажуриза идет несколько стрелочек — это его дети: один из сыновей — Абдулхак, преподаватель учительского института в Стерлитамаке, а от него — дочери Саня и Вы — Зульфия. Вот и всё. Не могли бы Вы более подробно рассказать о своем роде?

– Опираясь на рассказы матери, умершей в 1982 г., могу сказать, что наш род продолжает линию семейств Марджани и Каримовых из Казани, а также Тажриза — сына Хабибуллы из села, которое я с детства называла вслед за взрослыми Сабачай (ныне — Красная горка). Родилась же я в Казани 22 июня 1932 г., здесь родители пробыли совсем недолго и уехали в Сабачай, где в Сельсовете мое рождение зарегистрировали под числом 26 июня. В этом селе я прожила два или три года, а потом в 1940 г. провела вместе с отцом лето. С тех пор там не бывала. Но помню добрую бабушку и деда, у которого были ульи, а он нам, детям, намазывал свежий мед на куски душистого черного хлеба; двоюродного брата Камиля, ставшего потом в селе учителем. И хорошо помню тетю Зухру, с которой сфотографировалась в том же 1940 г.

Теперь про Шигабутдина Марджани. По словам мамы, он свою 16-летнюю племянницу Нагимя выдал замуж за сорокалетнего вдовца из рода Каримовых — Шарифзяна. О бабушке Нагимя, которая умерла еще в 1911 г., я мало что знаю. Братья Каримовы, выходцы из татарской деревни Большие Чиркелеи, были по-своему талантливыми людьми: попав в Казань, они сначала служили приказчиками, потом основали торговое дело; но самое интересное — они так тянулись к просвещению и культуре, что со вре-

менем стали книготорговцами и книгоиздателями, выстроив в Казани по сути целый торгово-издательский комплекс. Вот сведения из статьи историка Радика Салихова «Мастера печатного дела»: уже в начале XX в. по количеству выпущенных татарских книг среди всех типографий Казани первое место занимало именно печатное заведение братьев Каримовых (они — Мухаметзян, Шарифзян и Хасан Мингазетдиновичи — родом из деревни Большие Чиркелеи Симбирской губернии; прошли курс богословия под руководством ученого и просветителя Марджани, общение с которым, вероятно, повлияло на их последующую судьбу). Типография Каримовых выпускала не только религиозно-дидактические, но и светские книги: учебники, научно-популярную и художественную литературу.

– Третий «луч» Вашего происхождения — от сафаджайского рода Хабибуллиных. О нем в словаре «Ислам на Нижегородчине» сказаны удивительные слова: «Среди потомков Хабибуллиных более сорока преподавателей и учителей, в том числе доктор технических наук, профессор Ахмет Галеев, — затем стоит Ваше имя! Далее: — Директор Уфимского речного училища Саит Хабибуллин, министр транспорта и связи Татарской ССР Валерий Тажуризин и другие». Зульфия Абдулхаковна, а как Вы связаны с этим родом, который еще до революции 1917 г. дал также десятки мударрисов и мугаллимов?

– Мой отец Абдулхак Тажуризович (1907–1943), а дед — Тажриза Хабибуллин. Отец с 1935 г. учился на физико-математическом факультете Педагогического института им. Герцена в Ленинграде, жил в институтском общежитии, а мама со мной и моей младшей сестрой Санией (1937–1999) — в Авиагородке в Пулково (помню, что недалеко от нас в небе часто парили парашюты).

* Тажуризина Зульфия Абдулхаковна родилась в Казани 22 июня 1932 г. — специалист в области философии религии, истории и теории свободомыслия. Закончила философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова (1955, аспирантура — 1966), где и продолжает работать с 1965 г. на кафедре философии религии и религиоведения; доктор философских наук, профессор.

Род Тажуризиных среди мишар — это концентрация людей с выдающимися способностями к культурному просвещению народа. Имамы и педагоги, книгоиздатели и просветители, алимь и философы... на протяжении двухсот лет. К этому роду принадлежит и З.А. Тажуризина — потомок сразу трех известных семейств — великого просветителя татар Марджани, казанских книгоиздателей Каримовых и сафаджайского домашнего муллы Тажризы Хабибуллина.

Мама работала в школе. Сохранилась ее фотография, висевшая на доске почета и снятая оттуда ею же перед отъездом из Ленинграда с надписью на обороте: «Педагог обучает нацменов на их же языке...» (тогда действовали специальные курсы и институты для народов Сибири и Севера, вводившие их в мир современной науки). После окончания института в 1939 г. отца оставляли в аспирантуре, но он поехал в Стерлитамак преподавателем в педучилище, ставшем потом учительским, а затем и педагогическим институтом. В этом городе в 1940 г. родился мой брат Шамиль, проживший всего десять лет.

Отец был незаурядным человеком: он играл на сделанной им самим скрипке, был рыболовом и охотником (охотничье ружье еще долго после его ухода на фронт висело на стене), верным мужем и прекрасным отцом. Судя по рассказам его бывшего студента Халима Хабибовича Хамзина, долгие годы преподававшего математику в пединституте, отец был настоящим профессионалом — замечательным педагогом. Видимо, он обращался и к опыту всемирной педагогики: еще подростком я читала оставшиеся после него основательно изданные в 30-е годы книги по вопросам воспитания — Яна Амоса Коменского, Джона Локка, Николая Александровича Добролюбова. Это я еще к тому, чтобы напомнить: 20–30-е годы XX в. не были провалом в культуре нашей страны, как иногда внушают СМИ. Во время Великой Отечественной войны по пути к передовой в каком-то городке отец купил и послал нам книгу 1940 года издания: «Воспитание детей в семье» (там же на внутренней стороне обложки он переписал песню «Вьется в тесной печурке огонь». Увы, «...а до смерти четыре шага» — папа погиб в бою под Славянском в 1943 г. и похоронен в братской могиле).

Моя мать Хава Шариповна (1909–1982) — потомок Каримовых-Марджани. Закончив педучилище в Казани, была распределена в Сабачай, где и познакомилась с моим отцом, корпевшим тогда над физико-математическими заданиями из пединститута им. А.И. Герцена: в СССР 30-х (а может, и 20-х) годов существовали «рабфаки на дому» с целью подготовки трудящейся молодежи, стремящейся к знаниям (а тогда такой молодежи было очень много), к поступлению в институт. В Стерлитамаке она работала учительницей начальных русских и татарских классов; после ухода отца на фронт одна воспитывала своих троих детей и многочисленных учеников, которых любила не меньше нас. Дети и их родители отвечали ей не меньшей любовью.

Сестра Сания, благороднейшей души человек, окончила Стерлитамакский пединститут, два го-

да проработала учительницей в сельской школе, а потом до конца своей жизни занималась хромографией в лаборатории химзавода. Ее начальник говорил ей, когда она собралась уходить из-за длительной болезни с работы: «Саня, приходи на работу, когда только сможешь, хоть на день, хоть на два в неделю, только не уходи!». Думаю, что гены необыкновенного трудолюбия, ответственности, порядочности сыграли не последнюю роль в формировании ее характера. Ну и атмосфера социализма, которая была живительной для всех нас.

– Как же Вы — уроженка татарского села, потом жительница Стерлитамака — оказались в столице СССР, да еще в самом престижном ВУЗе и на одном из непростых факультетов — философском? О таком жизненном пути в американском кино говорят: «американская мечта».

– Но это была реальность и воплощение именно «советской мечты». Ведь я, увлеченная астрономией, в 1949 г. поступала на мехмат МГУ, но провалила письменную математику: в школе мы не решали сложных задач с X, Y, Z. Для их решения надо было или быть математическим талантом из провинции, или посещать в течение нескольких лет математический кружок при МГУ. Ни то, ни другое мне не было доступно. Но я прошла в Московский институт инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии, пересдав математику на пять, и проучилась там год. Поняв, что нивелиры, теодолиты и картография не для меня, а до астрономии в Институте геодезии далековато, я подала документы на философский факультет МГУ.

Сейчас я удивляюсь той жизни: 17-летняя девочка из провинции с фанерным чемоданом в руках отправляется в Москву; в запасе одно платье, кроме того, что на себе, — время было послевоенное, — в этом плане я не особенно выделялась. И, кстати, не испытывала морального дискомфорта: чувство собственного достоинства было достаточно развитым у советской молодежи — с каждым годом страна и мы все вместе с ней жили всё лучше и лучше; да и при поступлении и в первый, и во второй вуз мне и в голову не могло прийти, что для этого нужны какие-то связи или, что еще хуже, деньги.

В тот период советская система образования, в том числе высшего, безусловно, имела во всех отношениях преимущества перед нынешней, в которой протекция и коррупция занимают не последнее место, а это ведет к снижению уровня профессионализма во всех областях жизни.

И я поступила. Почему-то многим представляется, что на философском факультете в советское

Оставляя отчий дом — в Москву (1949 г.)

время занимались главным образом классиками марксизма-ленинизма и оголтелой критикой всех идеалистов. Не совсем так, вернее, совсем не так. Программа обучения была весьма широкой и разносторонней, а мы могли выбирать любые темы для докладов и курсовых. Например, на семинаре по современной буржуазной философии Ю.К. Мельвиль предлагал такие темы докладов (от которых я не отказывалась): «Влияние А. Бергсона на творчество Марселя Пруста», «Философия Ф. Ницше» (кстати, сочинения Ницше я спокойно изучала в читальном зале «горьковской библиотеки», а не в спецхране), «Влияние философии прагматизма на творчество Карела Чапека» (у других темы были еще интереснее). Начитавшись Ромена Роллана, хотела писать курсовую по его работам о Ганди, Рамакришне и Вивекананде. Думаю, если бы предложила такую тему, кафедра истории философии, где я специализировалась, не стала бы возражать, но я сообразила, что для этого надо серьезно изучать индийскую культуру во всех ее аспектах, в том числе религию.

К сожалению, у нас не было курса религиоведения; знания о религии частично восполнялись музейными экскурсиями, художественной литературой, исследованиями искусствоведов, историков философии... Наверное, с интересом к религии и свободомыслию был связан и выбор мною тем

курсовых работ начиная с 3 курса: Джордано Бруно, Леонардо да Винчи, Николай Кузанский. Моей научной работой тогда руководили замечательные ученые-педагоги: Игорь Сергеевич Нарский, Орест Владимирович Трахтенберг и Михаил Александрович Дынник. Кандидатскую диссертацию по теме «Учение Николая Кузанского о бытии и познании» я писала под руководством Василия Васильевича Соколова — блестящего исследователя истории философии. Латинскому и греческому обучал Андрей Чеславович Козаржевский, который во время моего пребывания в аспирантуре занимался со мной индивидуально каждую неделю по четыре часа — в советские времена это было нормой (между прочим, бесплатно для аспиранта).

— *Извините, что прерву Вас. Но как у девочки могла сформироваться интерес к философии? Да и как Вам так быстро удалось определиться с выбором тех мыслителей, наследием которых Вы потом занимались, по сути, всю жизнь?*

— Скорее всего, повлиял отец, да и книги, издаваемые тогда для детей, были пронизаны научными идеями, пробуждали интерес к познанию Вселенной. Перед моими глазами — картина: мне, восьмилетней, отец объясняет коперниканскую картину мира: в одной руке лампочка — это как бы Солнце, в другой — шапка, это Земля, она вращается вокруг Солнца. Объяснял он и смену времен года, дня и ночи, да мало ли что еще. В классе, наверное, 5-м или 6-м я прочла книгу Гурева «Герои и мученики науки», популярную среди советской молодежи, для которой Джордано Бруно стал одним из образцов достойного нравственного поведения.

Тогда вообще было много книг, популяризовавших науку, в том числе по астрономии: у меня была своя книга Воронцова-Вельяминова, которую я потом чуть ли не всю жизнь перетаскивала из одного жилища в другое. Звездное небо я не просто изучала, но знала его наизусть, вплоть до малых созвездий типа «Волос Вероники», и гуляла среди звезд, как по своему саду, если бы таковой у меня был.

— *Итак, Вы обустроились в Москве и полностью посвятили себя любимому делу, которым занимаетесь и сейчас. Вы — цельный, открытый, принципиальный и целеустремленный человек. А расскажите про Вашу семью, если возможно.*

— Муж мой Марк Гершбург — врач-реабилитолог, хорошо разбирающийся не только в своем деле, но и в поэзии, музыке, архитектуре, изобразительном искусстве.

Сын Вадим окончил наш факультет, дипломную работу защищал по Майстеру Экхарту, потом зани-

Дома (август, 1973 г.)

мался Бёме (о нем он написал статью в «Российскую энциклопедию»). Занимается переводами на русский язык отдельных работ немецких мыслителей. Так, он перевел с немецкого философские тексты Ницше, Хайдеггера, Карла Густава Юнга; сочинения Рильке (включая поэзию!). Пишет также статьи, связанные с творчеством Ницше.

У нас трудолюбивая дочь Ульяна, и ее сын — тоже Вадим. Дочь окончила филологический факультет Пединститута им. В.И. Ленина, но пополнила ряды рабочего класса, прошла путь от комплектовщицы электродеталей до единственного «универсального сотрудника» в той же фирме.

— А ведь Ваша самая известная работа тоже связана с немецким языком и философией — кто из увлекавшихся в советское время философией и религией не знает двухтомника Николая Кузанского!

— Да, это было серьезное издание. Руководил им В.В. Соколов, я написала предисловие «Николай из Кузы» (благо, этому предшествовала небольшая монография о философе), а переводы с латинского были сделаны такими выдающимися профессионалами в истории философии, как А.Ф. Лосев и В.В. Бибихин. Мне же во многом помогли А.Ч. Козаржевский и Ю.А. Шичалин.

— А какую из Ваших работ Вы считаете лучшей?

— Никакую. Разве что немногочисленные работы, написанные профессором нашей кафедры и моим другом К.И. Никоновым в соавторстве со мной, — благодаря ему они и лучшие. Это давняя

брошюра «Критика идеологических основ православного монашества» и разделы о манихействе, католицизме и протестантизме в двухтомнике «История религий».

— Вы явно к себе несправедливы. Но вернемся в 50-е годы: Вы учитесь с 1950 по 1955 г. на философском факультете, а потом...

— В 1955 г. обнаружился факт перепроизводства преподавателей философии, поэтому в дипломе появилось туманное по смыслу словосочетание: «квалификация — философ». Выпускники становились директорами кинотеатров, председателями колхозов (у нас училось немало взрослых людей — фронтовиков), комсомольскими работниками. Я попала в Горно-Алтайский обком ВЛКСМ, в отдел пропаганды; в командировках по области читала лекции на разнообразные — политические, этические, философские — темы. Но в обкоме не прижилась, хотя там были очень неплохие люди. Дело в том, что у меня «отсутствует чувство дистанции» по отношению к вышестоящим, т.е. для меня не имеет значения, с кем я разговариваю — с бомжом или крупным чиновником, с академиком или студентом, — стиль и тон разговора не меняются, меняется лишь его содержание. (Любопытно, что об этом я задумалась, анализируя собственный почерк, — со студенческих лет интересовалась графологией, переходя от книги Зуева-Инсарова к другим авторам; о «чувстве дистанции» узнала из немецкого учебника по графологии.)

Потом стала преподавать историю Древнего мира и историю Нового времени в Пединституте того же Горно-Алтайска; после «изгнания» из обкома даже намек на «репрессии» не было.

— Итак, вернувшись в Москву, Вы все же вышли на тот путь, которым идете и ныне — посвятили себя истории атеизма и свободомыслия, как бы продолжая тот вечер, когда Ваш отец с шапкой и лампой ввел Вас в тайны системы Коперника.

— Да, я работаю в МГУ на кафедре философии религии и религиоведения (в прошлом — истории религии и атеизма) с 1965 г. в разных должностях — от лаборантки до профессора. В 1992 г. защитила докторскую диссертацию «Свободомыслие в отношении религии как явление духовной культуры». Читаю лекции и веду семинары по годовому курсу «История свободомыслия», а также семинары по курсу «Философия религии». В перспективе вполне возможна отмена «Истории свободомыслия» в случае установления монополии Церкви в области образования.

На конференции в Ленинграде (1997 г.)

Организаций, противостоящих этому, очень немного, и одна из наиболее авторитетных — Российское гуманистическое общество, которое возглавляет профессор В.А. Кувакин, а я — член этого общества.

Почти все мои работы связаны с проблемами истории и философии религии, свободомыслия и атеизма. В учебнике по основам религиоведения, издаваемом коллективом преподавателей нашей кафедры под редакцией И.Н. Яблокова, я участвовала в написании раздела по той же теме. К сожалению, в последнем, «бакалаврском», учебнике «Религиоведение» (под ред. И.Н. Яблокова. М., 2012) раздела «История свободомыслия» уже нет, а дисциплина «История свободомыслия» исключена из числа входящих в госстандарт для магистров.

Кстати, когда-то в учебнике «История и теория атеизма» (М., 1974), кроме раздела по истории свободомыслия, была еще «моя» глава — «Ислам». По исламу писали курсовые и дипломные работы некоторые мои студенты. Например, Таня Т., на четвертом курсе ставшая неожиданно для меня мусульманкой, защищала дипломную работу по теме «Идеи социальной справедливости в современной мусульманской теологии». Талантливая Настя Ежова, еще «до меня» принявшая ислам, писала диссертацию о шиитской политической мысли XX в. Ее статьи опубликованы в сборнике «Исламская интеллектуальная инициатива в XX веке» (М., 2005) и в Интернете. К сожалению, нездоровье помешало ей довести диссертацию до конца.

Естественно, на философском факультете требуются научные методы исследования любой религии, вне всякой конфессиональной апологии. В этом плане весьма успешной была исследовательская деятельность моего бывшего студента и аспиранта Аль Джанаби Матема, уроженца Ирака, необычно-

венно талантливой, всесторонне развитой личности. На первых курсах он писал работы по шиизму, дипломную — о проблеме смысла жизни в религии и философии (от эпоса о Гильгамеше до марксизма и экзистенциализма); диссертацию — об исламских политических движениях XX в. Докторскую диссертацию защитил раньше меня. В 2000 г. вышла его фундаментальная монография «Суфийский философско-теологический синтез», изданная на русском языке в Нью-Йорке. Сейчас он — профессор РГГУ. Между прочим, это глубокий мыслитель, основательный исследователь — я им горжусь.

Так уж сложилось, мои студенты нередко сами определяют область своих исследований, что, кстати, было и с Вами, Вильям, не так ли?

— Это верно. И ту невероятную свободу — свободу в выборе объектов, исследовательских подходов, широте дискуссий, какие Вы, Зульфия Абдулхаковна, предоставляли каждому из нас, — теперь с радостью предлагаю своим студентам.

— *Зульфия Абдулхаковна, и всё же — Ваша увлеченность историей и апологией свободомыслия не является ли своего рода препятствием научному и педагогическому интересу к религиозным традициям и культурам? А также не могли бы Вы назвать наиболее интересные темы по истории свободомыслия, разработанные Вашими учениками?*

— Конечно же — нет.

Что касается православия и христианства в целом к ним имели отношение такие работы «моих» студентов и аспирантов, как, например, «Инакомыслие в среде православных богословов во второй пол. XIX в.», «Религиоведческие идеи в творчестве В.В. Плотникова (архимандрита Бориса)», «Теология и философия в творчестве Лактанция», «Протестантский фундаментализм в США в XX–XXI вв.», да и Ваши, Вильям, курсовые работы, связанные с анализом проблем Православия и феноменологии религии. Помню, с энтузиазмом восприняла Ваше желание разработать в дипломной теме «Теология философии» (по типу «теология мира», «теология культуры» и т.д.). Правда, Вы защитили дипломную работу по другой теме: речь шла о философском осмыслении православной трактовки понятия «Дух».

Кстати, любой преподаватель нашей кафедры, будучи специалистом в какой-то отдельной области религиоведения, может руководить научной работой студентов и аспирантов по любой религиоведческой теме. Темы научных работ моих студентов и аспирантов — самые разные.

Кроме уже перечисленных по исламской и христианской тематике, можно назвать и такие, как

диссертация славной дочери вьетнамского народа Фам Куе Ань «Основные этапы и особенности развития вьетнамского буддизма»; дипломная работа не менее славного сына русского народа Д. Канакова «Комментарии Шанкары к Брахмасутрам» очень пригодилась для его диссертации по теме «Феномен религиозного догматизма». Писали работы по философии религии, например, «Философия религии Ф. Ницше», «Религиоведческие идеи Марка Теренция Варрона», «Философия религии И.Г. Гердера». А тема «Свободомыслие в древнем Китае» разве не предполагает знания студентом китайской религии и философии? В диссертации Марины Торбург «Проблемы религии в постмодернистской философии», напротив, предполагалось знание об особенностях свободомыслия постмодернистов, иначе было не понять их отношение к религии, рассматривались особенности подхода к религии с позиций свободомыслящих постмодернистов.

Свободомыслие и религия парадоксальным образом связаны друг с другом. Свободомыслие есть критическое зеркало религии; осмысление религии человечеством происходило в многочисленных формах. Между прочим, религиоведение как отрасль науки и, в частности, светская философия религии — суть тоже проявления свободомыслия в отношении религии.

В советский период студенческих и аспирантских работ по свободомыслию было больше, чем в наши дни. Это не удивительно: в последние два десятка лет идущую сегодня на нашу кафедру молодежь привлекает именно знакомство с религией. А студенты имеют возможность ознакомиться с дисциплиной «История свободомыслия» только во втором семестре четвертого и в первом семестре пятого курсов, хотя до начала 90-х гг. она преподавалась начиная со второго курса. В тот период были написаны интересные работы о роли свободомыслия в развитии национальных культур азербайджанского, русского, киргизского народов; духовной культуры халифата; о современном свободомыслии в Англии и Франции. Вот формулировки некоторых тем: «Десакрализация форм общественного сознания России XVIII столетия (взаимосвязь процессов секуляризации и гуманизации)», «Антиклерикализм как общественное движение», «Атеизм Фридриха Фейербаха», «Религия и свободомыслие в творчестве П.Л. Лаврова». Значение подобных тем возрастает в условиях, когда фальсифицируется многое, относящееся к религии и особенно к свободомыслию и атеизму.

Свободомыслие и философия религии — это основное дело моей жизни и в теоретическом, и практическом отношении, и я подхожу к этим мощным пластам духовной культуры (как и к религии, впрочем) с позиций марксизма. Естественно, будучи последовательной атеисткой и коммунисткой, в педагогической деятельности не навязываю своего мировоззрения студентам, хотя, думаю, они догадываются о нем.

Совсем недавно встречалась с «прикрепленным» ко мне (ввиду ухода его наставника) студентом-второкурсником, который хочет заниматься ересями Средневековья. И вот какой у нас получился разговор:

— «А как Вам пришла в голову мысль о ересях?» — спросила его. — «Мне всегда нравилась история». И неожиданно добавил: «Я атеист, как и...» — и назвал по имени и отчеству сокурсника, уже написавшего прекрасную работу о Гердере. — «Да? А я и не знала, что он атеист». И, действительно, не знала этого, хотя не раз обсуждала с ним вопросы, связанные с курсовой работой.

Конфликтных ситуаций между мной и верующими студентами на мировоззренческой почве, пожалуй, не бывает.

Другое дело, что не приемлю попыток отдельных коммунистических деятелей соединить марксистское учение с христианством, усматривая в этом (возможно, несправедливо) банальное приспособленчество. При этом вполне допускаю религиозность рядовых членов марксистских компартий, глубоко уважая их за приверженность коммунистическим идеям. Но вот бывшие идеологи (не все, конечно) — философы-марксисты, пропагандисты научного атеизма, государственные и партийные деятели и т.д. — уже с конца 80-х годов стали спешно менять свои мировоззренческие и политические взгляды. Диапазон их перекрашивания достаточно широк: от апологии религии к оправданию капитализма и до яростного обличения марксизма, атеизма и советской власти.

Кстати, еще в 70-е годы в нашем обществе можно было уловить тенденцию к возрождению буржуазных отношений, наблюдая за изменениями в общественном сознании: они отражались в литературе, публицистике, художественном творчестве, в работах исторического и философского характера. Здесь всё настойчивее звучали религиозные мотивы, усиливались выпады против материализма и атеизма, тем самым размывалась коммунистическая идеология, до поры до времени скреплявшая огромный

союз республик. Развитию буржуазных отношений, естественно, соответствовало возрождение религиозности, что никак не укрепило братство народов наших республик.

После ельцинского контрреволюционного переворота народам СССР как бы сказали: русские, белорусы и украинцы, вам — ваше христианство! Евреи, вам — ваш иудаизм! Калмыки, тувинцы и буряты, вам — буддизм! Тюркоязычные, вам — ислам! Надо сказать, что часть интеллигенции в республиках задолго до этого вынашивала религиозно-националистические идеи, отражая стремление отдельных групп населения к идеологическому и социальному реваншу. Известные нам всем положения марксизма, типа: религия есть «дух бездушных порядков»; отражение мира «превратных» бесчеловечных отношений; религия сохраняет и закрепляет эти отношения, используя правящими слоями для укрепления своей власти, — разве не соответствуют современным реалиям?

— *Глядя на историю «перекрашивания» многих, Ваша твердость и стойкость в убеждениях вызывает искреннее уважение и симпатию у всех знающих Вас — это факт. Ныне, во время этого очередного «качка маятника» в истории России уже в обратном направлении, назвать себя атеистом не только не модно, но и опасно для карьеры. Вы полагаете, что клерикализация страны, о которой говорилось в известном Открытом письме 10 академиков Президенту, — это реальность?*

— Думаю, что вопрос о клерикализации вряд ли следует считать сейчас главным, это следствие социально-экономических и политических реалий нашей жизни, как и распространение религии в связи с возрождением дореволюционных порядков. Но, конечно, нужно сопротивляться целенаправленному внедрению религии во все сферы жизни страны, хотя религиозность как таковая, да и квазирелигиозность как политический феномен, еще долго будут сохраняться в социокультурной жизни нашего общества.

Кстати, я откликнулась на письма и академиков, и их оппонентов — в журнале «Марксизм и современность» есть статья «Принципиальная правота товарища Алфёрова». Что касается опасности обнаружения себя в качестве атеиста для карьеры, я как-то не задумывалась над этим. У нас на факультете, да и в университете в целом, — атмосфера терпимости к различным мировоззренческим и политическим позициям: преподаватель и студент могут быть верующими, неверующими, членами «Единой России», КПРФ или беспартийными; главное — следо-

вать принципам научного исследования явлений. Конечно, в реальности дело обстоит сложнее, чем в этой схеме, но тем не менее...

Между прочим, у меня есть друзья среди верующих, принадлежащих к разным религиозным традициям, и я искренне их люблю и уважаю.

— *А чем Вы занимаетесь сейчас?*

— Повседневность преподавателя — работа со студентами и аспирантами. В последнее время у меня и соответственно у студентов пробуждается интерес к художественной литературе, которая во многих случаях отражает изменения в общественном сознании раньше, чем философия. Изучая те или иные романы, повести, новеллы, мы видим «воочию» самое разнообразное отношение к религии, разные типы и характеры вольнодумцев, разную степень распространенности свободомыслия в тех или иных странах. Студенты охотно пишут творческие работы по романам, например, братьев Гонкуров, Анатоля Франса, Огюста Мирбо, Мартена дю Гара и других, более глубоко постигая психологию атеистов и верующих.

Научные интересы и сейчас связаны со всё теми же попытками осмыслить роль атеизма и свободомыслия в целом в социокультурной жизни человечества. Этому способствует как изучение творчества отдельных мыслителей-вольнодумцев, так и постановка и решение каких-то более общих проблем. Работая в последние годы над статьями о замечательных французских мыслителях Жане Мари Гюйо и Граксе Бабёфе (а он был еще и революционером), о великом русском ученом Ломоносове, еще и еще раз убеждалась в том, что многие вольнодумцы могут служить образцом высокой духовности, гуманизма, нравственного поведения.

Были попытки разобраться и, например, в проблеме соотношения религии и революционной идеологии: насколько, когда, в каких формах религия может усиливать или ослаблять эффективность революционной идеологии? Другая, не менее важная проблема: показать, что свободомыслие, светская культура, являются основой духовного возрождения России. Сделать это необходимо в условиях, когда государственная пропаганда направлена на подчеркивание роли религии в духовном возрождении России. Статьи на эти темы уже опубликованы. На очереди — сданная в научный сборник по антропологии статья о понятии «новый человек» в истории отечественной вольнодумной мысли.

Есть еще одна идея, реализация которой требует коллективных усилий.

В советское время появлялись сборники высказываний деятелей культуры (философов, ученых, писателей) о религии, при этом выбирались фрагменты критического плана. Нет, я не хочу сказать, что теперь надо издавать сборники с цитатами апологетов религии о религии же — их в разных вариантах уже и так довольно много. А вот что: продолжая работу над собранием критических высказываний о религии, на мой взгляд, нужно начать работу над изданием сборников, в хронологическом порядке представляющих взгляды богословов и околоцерковных писателей и философов на неверие начиная с Нового Завета. Естественно, эти взгляды будут критическими. Но каков их характер? Я немного изучала христианскую и мусульманскую традиции отношения к «безбожникам», а если с ними ознакомятся и верующие, и неверующие, то и перед ними неизбежно встанет вопрос: благотворны ли эти традиции для укрепления нравственных устоев личности и общества? И какое влияние на сознание и подсознание людей на протяжении веков оказывало моральное, а нередко и физическое уничтожение атеистов?

— *Зульфия Абдулхаковна, в завершение встречи хотелось бы уточнить: как Вы определите свое Кредо?*

— Оно оказалось написанным по требованию редакции одного из сборников, предьявленному ко всем статьям, и я могу его воспроизвести. Я отношусь к числу последовательных атеистов. Слово «атеист» для многих людей на Западе, а ныне и в России, вызывает резкое неприятие. С ним связывают аморализм, примитивизм, деградацию личности, бескультурье, а кроме того, — опасность для общества и власть имущих. Это неудивительно — преодолеть многовековую традицию преследования инакомыслящих в области религии, особенно официальной, весьма нелегко.

Кроме того, атеизм — если речь идет об атеизме теоретическом, а не стихийном, — феномен новаторский и сравнительно недавний. Он насчитывает три-четыре века, начинаясь, может быть, с Пьера Бейля и французских материалистов, и для большинства землян непривычен, тем более, что природные, и особенно социальные катаклизмы постоянно воспроизводят религиозные настроения.

Атеизм — вовсе не уничтожение храмов и культуры в целом. В самом простом выражении — это признание самодостаточности природы и естественного, человеческого, происхождения религии. Конечно, разновидностей атеизма очень много, — есть вульгарные, нигилистические его формы, но чаще встречаются — гуманистические.

Я — сторонник гуманистического марксистского атеизма. Если мне пришлось бы выбрать между циничным, жестоким, аморальным неверующим и высоконравственным верующим — я бы, разумеется, выбрала последнего.

— *И если позволите, один из последних вопросов: не сведется ли будущее науки «Религиоведение» в России к высказыванию Освальда Шпенглера в адрес неокантианства: «Мертвый отросток некогда живой мысли: профессорская философия и философствующие профессора»?*

— Прежде всего мнение Шпенглера о неокантианстве субъективно, и я его не принимаю, осознавая при этом, что и я субъективна. Согласно тому же марксизму, любое явление надо рассматривать в его конкретности. Для меня мысль и личность, например неокантианца Эрнста Кассирера? неизмеримо живее и привлекательнее (милее), чем основательное, полезное при знакомстве с историей философии учение Шпенглера и его угрюмая личность. Будущее религиоведения, если оно останется светским, свободным от иллюзорных уз «живым цветом» (используя тогда уж выражение Карла Маркса), благотворно и плодотворно.

Религиоведение не может стать мертвым, ибо отражает и исследует беспрерывно меняющийся мир бесконечно разнообразных оттенков религиозных учений, идей, психологий, появляющихся и исчезающих. Этот кажущийся хаотичным мир сложившихся, формируемых и размываемых религиозных представлений «улавливается» в создаваемую веками систему закономерностей и категорий, отнюдь не мертвую, но постоянно обновляющуюся. А это способствует всё более глубокому познанию религии и путей отхода от нее.

— *И последнее: на какой вопрос Вы хотели бы ответить, но он еще не прозвучал?*

— Если речь идет о проблемах философии религии и свободомыслия, то, сколько бы ни задавалось вопросов, всё будет мало. И вряд ли на большую их часть я могла бы ответить.

Может быть, о перспективах свободомыслия и религии в мире? Хотя бы схематично и гипотетически.

Если обратимся к историческому опыту, то увидим, что существует объективная тенденция к расширению сферы свободомыслия. Признаки этой тенденции таковы: безрезультатность, в конечном счете, многовекового преследования атеистов и вольнодумцев со стороны религиозных организаций; увеличение числа вольнодумцев по мере общественного прогресса, что зафиксиро-

вано в исторических документах разных времен, например в сочинениях Секста Эмпирика, Бернара Клервоского, аль Газали, Иосифа Волоцкого, Д. Локка, Г. Лейбница, П. Гольбаха, Феофана Затворника и многих, многих других; прогнозирование проницательными мыслителями, например П. Бейлем, С. Маршалем, марксистами и другими возникновения атеистического общества в будущем; реализация этого прогноза в возникновении и последовательном расширении круга организаций свободомыслящих; поиски альтернативных религии систем светских ценностей и методов воспитания; увеличение удельного веса безрелигиозных и критических по отношению к религии изданий в общем потоке культурной продукции; возрастание уровня секуляризованности духовной культуры, в том числе богословских учений, размывание их догматизма. Да мало ли что еще!..

Добавлю, что свободомыслие ярко проявляет себя в те исторические периоды, когда люди ощущают себя субъектами истории, способными изменить общество к лучшему.

– Обратившись к фактам исторического развития культуры, Вы нарисовали довольно оптимистичную картину настоящего и будущего свободомыслия в человеческом сообществе. А можно ли в рамках этой благополучной картины увидеть настоящее и будущее свободомыслия в нашей стране?

– Я ведь не успела сказать еще о факторах, препятствующих распространению свободомыслия в любой стране. Ныне они действуют в странах неблагоприятных в социальном плане, и наша страна — не исключение.

Прежде всего, это ощущение многими членами общества социальной и личностной бесперспективности в условиях общественных невзгод, стагнации несправедливых порядков, «заболоченности» (не имею в виду «Болотную площадь») общества. Отсюда социальная апатия, упование на высшую силу, будь то земная или сверхъестественная. Далее, это устойчивость многовековой религиозной традиции, которую весьма трудно поколебать в неблагоприятных условиях. Она проявляется не только в укреплении позиций традиционных религий, но и в усилении притягательности мистических сект и учений для многих людей, ранее безрелигиозных.

В нашей стране сегодня — это государственная политика, разделяемая немалой частью творческой интеллигенции, направленная на разрушение сложившихся в советское время традиций атеизма и форсированное возрождение разными средствами некогда господствовавшей в стране

религии. Свободомыслие будет возрождаться и распространяться по мере активизации сознания и деятельности нашего народа, осознанной потребности в изменении жизни к лучшему — конечно, мирными средствами.

— Зульфия Абдулхаковна, из Ваших слов создается впечатление, что культура человечества разорвана, а ее элементы противопоставлены друг другу. Возможен ли в таком случае диалог между разными «картинами мира» и их выразителями — религиозными и нерелигиозными, включая секулярные? Ведь проблемы диалога и его инструментария крайне важны, но главное — готовность к такому диалогу, готовность подарить другому радость бытия своей «картины мира». А потому хотелось бы услышать Ваше экспертное мнение о перспективах подобного диалога.

– Насчет «экспертного» Вы сильно преувеличиваете, друзья, тут еще надо думать и думать. Вполне допускаю ошибочность некоторых своих высказываний, неучтенность каких-то фактов и верных соображений других. Вы задали интересный вопрос. Итак, диалог...

Диалог предполагает общение, которое, по моим представлениям, происходит не между разными «картинами мира» (сами по себе они не могут разговаривать), а между людьми с разными мировоззрениями, или же в рамках одного мировоззрения. Существует межрелигиозный диалог, когда верующие различных конфессий, единые в признании бытия сверхъестественного, стремятся выявить общее и различное в вариантах религиозных учений, и этот диалог плодотворен, когда направлен на преодоление барьеров, разделяющих людей по религиозному признаку. Вспомним хотя бы «Диалог между философом, христианином и иудеем» Пьера Абеляра — XII век! Или «О мире веры» (мире между верованиями) Николая Кузанского — XV век! Эти диалоги вели к признанию веротерпимости как одной из важнейших ценностей жизни.

Теперь о диалоге между верующими и неверующими: он был необыкновенно затруднен в века господства религии, и это подтачивало мораль, ослабляло общественный интеллект, вызывало непримиримую борьбу между людьми. Но диалог всё равно существовал. На каком основании? На основании светских, нерелигиозных ценностей. Да, именно так.

На какой почве вот сейчас происходит диалог между нами — тремя собеседниками — мусульманином, христианином и атеистом? О чем идет речь? О религии, но обсуждение вопроса идет

в религиозно-педагогическом или же педагогическом русле. Разговор ведется о событиях жизни интервьюируемой, о ее отношении к вопросам образования, политики, истории страны. Интервьюеры же никак не обнаруживают своих мировоззренческих позиций и благосклонно относятся к интервьюируемой атеистке, так же, как и она к ним.

Мы забываем, что человечество создало и веками культивировало обширнейшее поле форм духовной деятельности, не сводимых к религии: мораль, искусство, наука, философия, политика и т.д. Они в той или иной мере могут быть соединены с религией, оставаясь по своей сути автономными. Вот это и есть основа диалога.

Неверующий разделит взгляды верующего на многие моральные нормы, записанные в священных книгах. Но диалог относительно *специфически религиозных* моральных норм весьма сомнителен. Например, может возникнуть диалог между верующим и атеистом на основе первых четырех норм Декалога? Вряд ли. Почитать одного только Яхве? Ни в коем случае не творить (не лепить, не вытесывать) языческих божков-кумиров? Помнить день субботний? А вот на основе последующих абстрактных шести норм поведения, если верующий не будет ставить условием диалога признание неверующим божественного происхождения этих норм, диалог вполне возможен.

Духовный мир верующего человека содержит ценности всех других форм общественного сознания, и это есть фундамент диалога.

Допустим, два физика занимаются одной проблемой. Один из них — иудаист, другой — атеист. Они вступают в диалог, обсуждая проблемы физики, и, наверное, иудаист не будет склонять атеиста к введению фактора сверхъестественного в научные исследования. Значит, это диалог на основе науки. У них могут быть разные эстетические вкусы, но эта разность при условии любви к одному и тому же — искусству — как раз может способствовать плодотворному диалогу ученых в этой сфере, при этом ученый-атеист может глубже своего коллеги воспринимать религиозное искусство: в любом случае оно, прежде всего, искусство!

О необходимости диалога между верующими и неверующими трудящимися писал в 1905 г. Владимир Ильич Ленин: этот диалог должен основываться на решении общих социально-политических задач. Единство революционной борьбы угнетенного

В университетской аудитории (сентябрь, 2000 г.)

класса за создание рая на земле, говорил Ленин, важнее, чем мнение пролетариев о рае на небе. Разве не так?

Короче: верующие и неверующие вступают в диалог на основе решения реальных (земных) теоретических и практических задач. Для этого необходимо понять, что «картина мира» твоему собеседнику, соратнику, коллеге представляется иначе, чем тебе, но для диалога вовсе не обязательно принимать ее как свою.

Спасибо, братья — мусульманин Джаннат Сергей и христианин Вильям — за то, что доставили радость общения с вами!

– *Взаимно! Уверены, что рассказ о Вашей жизни, да и сам опыт диалога людей с различными «картинами мира» будет полезен многим и надолго.*

Сегодня, присоединяясь ко всем поздравлениям, поступающим от Ваших близких и друзей, коллег и учеников по случаю Вашего 80-летия, желаем Вам, уважаемая Зульфия Абдулхаковна, полноценного долголетия и преумножения даров жизни и разума!

Среди наиболее значимых трудов З.А. Тажуризиной можно назвать следующие*:

Философия Николая Кузанского. М.: Изд-во МГУ, 1972 (переизд.: М.: Изд-во URSS, 2009).

Буржуазный гуманизм: иллюзии и реальность (в соавторстве с Е.В. Боголюбовой). М. (общ-во «Знание»), 1975.

* Отдельные издания автора приводятся в хронологическом порядке, статьи — в алфавитном. — Прим. ред.

- Буржуазный атеизм в прошлом и настоящем. М. (общ-во «Знание»), 1976.
- Закономерности развития атеизма. М. (общ-во «Знание»), 1978.
- Актуальные вопросы истории атеизма. М.: Изд-во МГУ, 1979.
- Творческая сущность атеизма. М. (общ-во «Знание»), 1981.
- Критика идеологических основ православного монашества (в соавторстве с *К.И. Никоновым*). М. (общ-во «Знание»), 1982.
- Атеизм и свободомыслие в духовной жизни русского народа. М. (общ-во «Знание»), 1986.
- Идеи свободомыслия в истории культуры. М.: Изд-во МГУ, 1987.
- статьи:*
- Антирелигиозное движение в СССР (псевдоним — *Улина Х.Ш.*) // Марксизм и современность. 2005. № 1–2. С. 121–127.
- Богоборчество как социально-психологическое явление // Актуальные проблемы теории и практики научного атеизма. М.: Изд-во МГУ, 1985. С. 71–90.
- Гуманистическое свободомыслие Жана Мари Гюйо // Государство, религия и Церковь в России и за рубежом. 2010. № 3. С. 157–187.
- И это тоже католицизм // Марксизм и современность. 2005. № 3–4. С. 77–81; 2006. № 1–2. С. 71–75.
- Исследование истории атеизма в СССР (20–30-е годы) // Вопросы религии и религиоведения. Кн. 1(1). М., 2010. С. 349–357.
- Николай из Кузы // Николай Кузанский: соч. в 2 т. Т. 1. М., 1979. С. 5–45.
- О философии религии и о «незримом теологическом факультете» // Марксизм и современность. 2006. № 3. С. 42–46.
- Общение студента и преподавателя: возможности духовного взаимообогащения // Современное студенчество: Актуальные вопросы образования и воспитания: сб. статей. М., 1992.
- Понятие атеизма в истории европейской мысли (от античности до Нового времени) // Лекции по религиоведению / под ред. И.Н. Яблокова. М., 1998. С. 67–86.
- Проблемы теории свободомыслия в творчестве Л. Фейербаха // Философия свободомыслия. М.: Изд-во РАГС, 2004. С. 115–138.
- Религия и революционная идеология (к 100-летию выхода в свет работы В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм») // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2009. № 1. С. 51–72.
- Роль традиции свободомыслия в духовном возрождении России // Вопросы религии и религиоведения. Кн. 1(1). М., 2010. С. 241–256.
- Российское свободомыслие конца XIX — начала XX в. // Марксизм и современность. 2009. № 1. С. 61–70.
- Социальная потребность в атеизме существует и в наши дни // Марксизм и современность. 2005. № 1–2. С. 116–126.
- Философия религии Б. Спинозы // Мудрый и вечно молодой Б. Спиноза. М.: Изд-во РАГС. С. 93–107.

© Тажуризина З.А., 2012

© Маркус С.В., 2012

© Шмидт В.В., 2012